

Церемония открытия была короткой и достойной. Морроу сидели полукругом перед статуей, обтянутой холстом. Был поздний вечер, и деревья отбрасывали длинные тени. Сандра поднесла пчелу к Джулии, которая передала ее Мариане.

Гамаш и Рейн-Мари сидели под огромным дубом рядом с домиком и наблюдали за происходящим с почтительного расстояния. Морроу вытирали сухие глаза и влажные брови.

Клементина Дюбуа, стоявшая возле статуи, протянула Ирен Финни веревку и имитировала движение перетягивания.

Гамаш наклонились вперед, но Морроузы почти незаметно отстранились. Возникла пауза. Гамаш подумал, не колеблется ли миссис Финни, срывая холщовый покров со статуи. Обнажить и освободить своего первого мужа.

Пожилая женщина потянула. Потом еще. Казалось, что Чарльз Морроу цепляется за холст. Не желая показываться.

Наконец, с силой дернув, холст отвалился.

Там был Чарльз Морроу.

В течение всего ужина о статуе говорили на кухне. Шеф-повар Вероник пыталась успокоить разволновавшийся персонал и заставить их сосредоточиться на заказах, но это было трудно. Наконец, в тихий момент, когда она помешивала бульон для ягненка, а Пьер стоял рядом и расставлял десерты, она заговорила с ним. На что это похоже?" - прошептала она, ее голос был глубоким и мягким.

'Не то, что ты ожидала. Вы не видели его?'

'Нет времени. Подумал, что смогу заглянуть туда вечером. Это было очень ужасно? Дети, кажется, напуганы'.

Она посмотрела на молодых официантов и работников кухни, сгрудившихся в небольшие группы, некоторые из них возбужденно разговаривали, другие широко раскрывали глаза и молчали, словно рассказывая истории о привидениях у костра. И пугают друг друга, подумал Пьер.

"Бон, хватит. Он хлопнул в ладоши. 'Возвращаемся к работе'.

Но он постарался, чтобы голос звучал успокаивающе, а не сурово.

Клянусь, оно двигалось", - раздался знакомый голос из одной из групп. Пьер повернулся и увидел Эллиота, окруженного другими рабочими. Они засмеялись. 'Нет, я серьезно'.

Эллиот, хватит, - сказал он. Статуи не двигаются, и ты это знаешь".

'Конечно, ты прав, - сказал Эллиот. Но его тон был хитрым и снисходительным, как будто метрдотель сказал какую-то глупость.

Пьер, - прошептала позади него шеф-повар Вероник.

Ему удалось улыбнуться. Вы ведь не курили салфетки снова, не так ли, молодой человек?

Остальные засмеялись, и даже Эллиот улыбнулся. Вскоре из распахнувшейся двери появился отряд официантов метрдотеля, которые с хрустом разносили блюда и соусы, хлеб и вино.

"Молодец", - сказал шеф-повар Вероник.

Проклятый Эллиот. Извините, - сказал метрдотель, бросив на нее извиняющийся взгляд. "Но он намеренно пугает остальных".

Она с удивлением увидела, как дрожат его руки, когда он насыпал свежий сахар в костяную фарфоровую чашу.

"Теперь у нас достаточно? Она кивнула на пустой мешок сахара в его руке.

"Много. Странно, что он у нас закончился. Вы же не думаете..."

'Что? Эллиот? С чего бы это?

Метрдотель пожал плечами. 'Когда происходит что-то странное, вы можете быть уверены, что за этим стоит он'.

Шеф-повар Вероник не возражала. За годы работы они видели много детей, которые приходили и уходили. Они обучили сотни. Но был только один Эллиот. Он так заботится о детях, думала она, наблюдая за Пьером. Как будто они были его собственными. И она не в первый раз подумала, как сильно он скучает по отцовству. Он был бы хорошим отцом. Он обучал и наставлял этих детей. Но даже более того, он дал им стабильную обстановку и добрый дом. В глуши они нашли то, что им было нужно. Хорошая еда, теплая постель и твердая почва под ногами. Пьер отказался от собственных детей в обмен на дом в пустыне и заботу о других людях и чужих детях. Они оба. Но неужели спустя почти тридцать лет один из них завел Пьера слишком далеко? Шеф-повар Вероник любила природу и находила много времени для ее изучения, и она знала, что иногда что-то неестественное выползает из утробы матери, из леса. Она подумала об Эллиоте и задалась вопросом, был ли этот очаровательный, красивый молодой человек всем, чем он казался, или, возможно, чем-то большим.

Что ты думаешь о статуе? спросила Рейн-Мари, когда они потягивали эспрессо и коньяк после ужина на лужайке, ночь нарушали лишь мерцающие то тут, то там светлячки. Морроу все еще были внутри, ели в почти полной тишине, и Гамаша были предоставлены сами себе.

Гамаш на мгновение задумался. "Я был поражен".

Я тоже", - сказала она, глядя туда, где он стоял. Но ночь была темной, и она не могла разглядеть исхудавшее, изможденное лицо Чарльза Морроу. Красивый мужчина превратился в камень.

С момента открытия ветер усилился. Но вместо того, чтобы освежать, ветерок, казалось, тянул за собой еще больше жары и влажности.

Из открытых окон Большого зала доносились звуки Баха.

Арман ослабил галстук. Вот так. Так-то лучше. Ты это видел?

Он указал на озеро, хотя в этом не было необходимости. В такую темную ночь молнию невозможно было не заметить.

"Вилы", - сказала Рейн-Мари. Пьер был прав. Шторм приближается".

Ее муж шевелил губами, шепча цифры, считая промежуток между светом и звуком. И тут вдалеке раздался низкий гул. Он нарастал, потом прерывался и снова нарастал.

'Далеко еще, - сказал он. Может даже пропустить нас. Штормы иногда застревают в долинах".

Но он не думал, что эта буря обойдет их стороной. Скоро все, что было спокойным и мирным, будет нарушено.

'Рай потерян', - пробормотал он. Ум - это собственное место, месье, - сказала Рейн-Мари. Он может сделать рай из ада, ад из рая. Это рай. И так будет всегда".

'Это место? Manoir Bellechasse?

'Нет.' Она обняла его. "Это место.

Пожалуйста, отнесите это в Большой зал. Пьер передал официанту серебряный поднос с кофе, драмбуи и шоколадными конфетами. Это для мадам Мартен.

'Вот, я обменяю. Я возьму это. У двери Эллиот протянул поднос. Я видел, как она вышла в сад покурить. Можете взять мое. Это для миссис Морроу'.

"Дикоголосая?" - с надеждой спросил официант.

'No, the deflated one,' admitted Elliot. 'Sandra Morrow.' Увидев выражение лица другого официанта, он понизил голос. Послушайте, я знаю, куда миссис Мартин ходит курить. Ты будешь бродить по всему городу, пытаясь найти ее".

'Откуда вы знаете, куда она ходит?' - прошептал другой официант.

'Я просто знаю'.

Да ладно, мужик. Я не собираюсь говорить об этом миссис Морроу. Она заставит меня вернуться за новыми шоколадками, или за другими шоколадками, или за большим кофе. Отвали.

Официант держал свой поднос, и Эллиот потянулся за ним.

Что происходит? Почему вы оба все еще здесь?

Они подняли глаза, и метрдотель оказался рядом с ними. Его взгляд упал на их руки, все четыре из которых сжимали единственный серебряный поднос для Джулии Мартин. На заднем плане шеф-повар Вероник перестала расставлять поднос с миниатюрными кондитерскими изделиями и наблюдала за ними.

Эллиот, это не ваш поднос? Метрдотель кивнул на поднос, стоящий на старом сосновом серванте.

"Что тут такого? Мы просто торгуем".

"Нет, не торгуем", - сказал другой официант, убирая поднос и проливая кофе.

'Все, хватит. Принесите свежий поднос и кофе, - приказал Пьер официанту, - а вы идите за мной".

Он отвел Эллиота в дальний угол кухни. Они не могли укрыться от пристальных взглядов, но они могли укрыться от ушей.

"В чем дело? Между вами и мадам Мартин что-то происходит?"

'Нет, сэр.'

'Тогда зачем устраивать этот переполох?'

'Я просто не выношу миссис Морроу, вот и все'. Пьер колебался. Он мог это понять. Она ему тоже не очень нравилась. 'Она все еще наша гостья. Мы не можем обслуживать только тех, кто нам нравится". Он улыбнулся молодому человеку.

'Да, сэр.' Но Эллиот не улыбнулся в ответ.

'Bon,' said Pierre. 'I'll take that.'

Он забрал у удивленного официанта обновленный поднос для Джулии Мартин и вышел из кухни.

Что хотел старик?" - спросила официантка Эллиота, когда он забрал свой поднос и приготовился отнести его Сандре Морроу, которая, несомненно, пожаловалась, что уже поздно и холодно.

Он не хочет, чтобы я обслуживал Джулию Мартин, - ответил Эллиот. Он хочет, чтобы она была сама по себе. Вы видели, как он на нее смотрит? Я думаю, он в нее влюблен", - пропел он детским фальцетом.

Они вынесли свои подносы через распашные двери. Слова Эллиота собрали большую аудиторию, чем он предполагал. Шеф-повар Вероник вытирала руки о чайное полотенце и наблюдала, как дверь с лязгом ходит взад-вперед, пока наконец не затихла.

Завтра домой", - сказала Клара Гамашам, когда они шли в библиотеку с террасы. Она могла скоро лечь спать, проспав восемь часов, позавтракать с родственниками, а потом вернуться в Три Сосны. Правда, с этими людьми ей придется провести еще пару бодрствующих часов. Она в десятый раз посмотрела на часы. Только десять? Как это может быть? Боже мой, неужели Морроузы тоже могут останавливать время? "Когда ты уходишь?" "Еще несколько дней", - сказала Рейн-Мари. Мы празднуем годовщину нашей свадьбы".

'Верно,' сказала Клара, смущенная тем, что забыла. Поздравляю. Когда?

Первого июля будет тридцать пять лет. День Канады.

"Легко запомнить", - сказал Питер, благодарно улыбаясь Гамашу.

Это была любовь с первого взгляда? Клара сидела рядом с Рейн-Мари.

'Для меня - да.'

'Но не для вас?' спросил Петр у Гамаша.

'О да. Она имеет в виду свою семью'.

'Нет, у вас тоже были семейные проблемы? Родственники?' - спросила Клара, желая услышать чужие страдания.

Не совсем. Они были замечательные", - сказала Рейн-Мари. 'Проблема была в нем'.

Она кивнула на своего мужа, прислонившегося к камину, пытаясь притвориться невидимым.

А ты? Что случилось?" - спросила Клара.

Ты должна помнить, что я был молод, - предупредил он ее. И влюблен. И не очень мудр".

"Это будет хорошо", - сказал Питер Кларе.

Рейн-Мари пригласила меня после мессы в воскресенье на обед, познакомиться с ее семьей. Там было семьдесят три брата и сестры".

Девять, - поправила его жена.

Я, конечно, хотел произвести на них впечатление, поэтому всю неделю пытался придумать, что подарить ее матери. Ничего слишком большого. Не хотелось выпендриваться. Ничего слишком маленького. Не хотелось показаться дешевкой. Я потерял сон. Не мог есть. Это стало самым важным в моей жизни".

'Что ты взял?' спросила Клара.

'Коврик для ванной'.

Вы шутите, - проговорил Питер. Гамаш покачал головой, не в силах говорить. Когда остальные разразились хохотом, он наконец обрел голос.

'Ну, - он вытер слезы, - это никогда не испортится'.

"Или выходит из моды, но разве ему не хватает определенного je ne sais quoi?"

Он стал лучше дарить подарки, - признала Рейн-Мари.

Посуда для мыла?" - спросила Клара. "Туалетный вантуз?" - спросил Питер.

'Тссс,' прошептал Гамаш. Это сюрприз для нашей золотой годовщины".

'И сюрприз будет, - сказала Клара, смеясь. Но не начинайте нам рассказывать о туалетах".

О, пожалуйста. Не надо", - сказал Питер, пытаясь прийти в себя.

О, нет, - сказал Гамаш, схватив Питера за руку. 'Твоя очередь, старина.'

'ОК.' Питер сдался и сделал глоток Драмбуи. Когда я только пошел в школу и распаковывал все свои маленькие носки, туфли и брюки, я нашел записку, приколотую к пиджаку почерком моего отца. Там было написано: "Никогда не пользуйся первой кабинкой в общественном туалете".

Питер, повзрослевший и поседевший, стоял в комнате, но Гамаш видел лишь маленького серьезного мальчика с пятнами на руках, держащего записку. И запомнил ее, как можно запомнить отрывок из Библии. Или стихотворение.

Дышит ли там человек с такой мертвой душой?

Что за человек был Чарльз Морроу, что он написал такое своему сыну? Гамаш очень хотел спросить Питера о статуе, но пока не имел возможности.

Хороший совет, - сказала Рейн-Мари, и все посмотрели на нее. Если вы торопитесь, куда вы идете? В первую кабинку".

Ей не нужно было больше ничего говорить.

Питер, который так и не смог расшифровать, что имел в виду его отец, но в глубине души знал,

что это должно быть жизненно важно, задумался.

Неужели все так обыденно? Неужели это был всего лишь практический совет? В детстве, даже в подростковом возрасте, и даже, осмелюсь признаться, во взрослом, он фантазировал, что это был секретный код. Данный только ему. Доверенный ему. Его отцом. Код, который приведет к сокровищам.

Никогда не пользуйся первой кабинкой в общественном туалете.

И он не пользовался.

Гамаш как раз собирался спросить мнение Питера о статуе, когда вошел Томас.

'Вы говорили об общественных туалетах?' - сказал он.

Туалеты?" - спросила Мариана, вбегая в комнату вместе с Сандрой. Бину будет жаль лежать в постели. Это тот разговор, на который годится десятилетний ребенок".

Привет. Джулия прошла через двери с террасы, неся деми-таз эспрессо. Там молния и гром. Я думаю, приближается гроза".

'Нет,' сказал Томас с сарказмом. 'Питер говорил о туалетах, Джулия'.

"Не совсем, - быстро сказал Питер. Джулия уставилась на него.

Мужские или женские?" - спросила Марьяна с преувеличенным интересом.

'Наверное, мужские', - сказал Томас.

"Все, хватит". Джулия бросила свою кофейную чашку на ковер, где она разбилась вдребезги. Действие было настолько неожиданным, настолько сильным, что все в комнате подскочили.

Прекратите, - прохрипела она. 'С меня хватит'.

Успокойтесь, - сказал Томас.

"Как ты? Вы думаете, я не знаю? Она начала улыбаться, или, по крайней мере, показывать зубы. 'Томас успешный, талантливый', - шипела она на него.

'И ты.' Она повернулась к Мариане. 'Магилла, горилла. Зануда с занудным ребенком. Бин. Бин? Что это за имя? Что это за ребенок? Думаешь, ты такой умный? Ну, я знаю. Я все знаю.

'А ты. Ты хуже всех'. Она приблизилась к Питеру. 'Gimme, gimme, gimme. Ты разрушишь все и вся, чтобы получить то, что ты хочешь, не так ли?

Джулия. Питер едва мог дышать.

'Ты не изменилась. Жестокая и жадная. Пустая. Трусиха и лицемерка. Вы все пришли сюда, чтобы подлизываться к матери. Вы ненавидели отца. И он знал это. Но я знаю то, чего никто из вас не знает'. Теперь она прижалась к Питеру, наклонив свое лицо к его лицу. Он не двигался, не сводя глаз с картины над камином. Кригхофф. Линии и цвет он понимал. Истерика его сестры была непостижимой, ужасающей.

Я знаю папин секрет, - шипела Джулия. Мне пришлось провести всю свою жизнь так далеко от тебя, как только я могла, чтобы понять это, но я наконец поняла. И теперь я вернулась. И я знаю".

Она злорадно усмехнулась и обвела взглядом комнату. Наконец ее взгляд остановился на Гамаше. На мгновение она выглядела растерянной, удивленной их появлением.

Простите, - заикаясь, произнесла она, заклинание было разрушено, ярость ушла. Она посмотрела вниз на беспорядок, который она устроила. 'Мне жаль.' Она наклонилась, чтобы поднять его.

Нет, не надо, - сказала Рейн-Мари, шагнув вперед. Джулия встала, держа в руках осколок чашки, на пальце была небольшая струйка крови. 'Мне жаль.'

Ее глаза наполнились слезами, а на подбородке появилась ямочка. Вся ее ярость улетучилась. Повернувшись, она выбежала через дверь, оставив позади свою семью, головы которой могли бы быть закреплены на старых бревенчатых стенах. На них охотились, убивали и выставляли на всеобщее обозрение.

Она порезала палец, - сказала Рейн-Мари. Я возьму ей бинт".

Она не сильно пострадала, - сказала Сандра. С ней все будет в порядке. Оставьте ее.

"Я пойду с вами", - сказал Гамаш, взяв фонарик, стоявший на столике у двери. Он и Рейн-Мари следили за ярким пятном фонарика, которое играло на грубых камнях террасы, затем на траве. Следуя за светом и рыданиями, они нашли Джулию, сидящую на лужайке у края леса. Рядом со статуей.

Все в порядке, - сказала Рейн-Мари, опускаясь на колени и обнимая ее.

'Это. Не. Все. Хорошо.

Покажи мне свою руку.

Джулия подняла руку. Рейн-Мари осмотрела ее. Другую, пожалуйста. Она нашла небольшой порез на пальце Джулии и промокнула кровь салфеткой. Кровотечение прекратилось. С тобой все будет в порядке".

Джулия засмеялась, брызгая слезью из носа и рта. 'Ты думаешь?'

Мы все злимся, мы все кричим и говорим то, чего не хотели", - сказала Рейн-Мари.

Гамаш протянул Джулии свой носовой платок, и она дунула в него.

Я имела их в виду.

Тогда это были вещи, которые не нужно было говорить.

'Они были.' Она запихивала свои внутренности обратно, зашивала себя, снова надевала кожу, макияж, праздничный наряд.

'Они никогда не простят меня, ты знаешь.' Она встала, разгладила платье и вытерла слезы и слизь с лица. У морлоков долгая память на такие вещи. Возвращение было ошибкой. Глупо, правда". Она фыркнула от смеха. Думаю, завтра я уйду до завтрака. Не надо, - сказала Рейн-Мари. Поговори с ними. Если ты уедешь и не увидишь их, будет только хуже".

'И ты думаешь, что разговор поможет? Ты не знаешь Морроу. Я и так уже слишком много сказал".

Гамаш молчал, наблюдая и слушая. И держал факел. При свете он мог видеть ее лицо, неестественно бледное, с резкими чертами и тенями.

Не все нужно выносить на свет, знал он. Не всякую правду нужно говорить. И он знал, что она была права. Он видел их лица, когда она убегала. Она сказала слишком много. Он не понимал

этого, не видел, но знал, что что-то нечистое только что появилось на свет, ожило.

<http://tl.rulate.ru/book/89525/2863931>